

ОТЗЫВ

официального оппонента кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка и литературы ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» Кирилловой Елены Олеговны о диссертации Землянской Ксении Александровны на тему «Художественная этнография Венедикта Марта» на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), представленной к рассмотрению в диссертационном совете 33.2.028.03 при ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Диссертационное исследование К. А. Землянской посвящено творчеству самобытного дальневосточного писателя первой трети XX века – Венедикта Марта/Венедикта Николаевича Матвеева (1896, Владивосток – 1937, Киев), одного из сыновей владивостокского деятеля, интеллигента-общественника, просветителя, политика, переводчика-япониста, краеведа, поэта, историка, редактора и издателя Н. П. Матвеева-Амурского. В. Марта по праву можно считать представителем русской дальневосточной поэзии Серебряного века. В литературной обстановке дальневосточного региона начала XX века, времени формирования здесь поэзии, в том числе модернистской и авангардной, он явился без преувеличения фигурой знаковой.

Цель исследования состоит в изучении художественной этнографии В. Марта через фиксацию и анализ тематико-сюжетных и жанрово-стилистических источников её формирования и способов воплощения писателем. Этот аспект творчества дальневосточного автора, на наш взгляд, был сформирован из трёх составляющих. Первоосновой априори стало место рождения и проживания будущего писателя – среди инородцев и в инокультурном пространстве азиатского населения российского Дальнего Востока, которое породило разнообразные межкультурные связи. Два других были связаны с литературными традициями – это, с одной стороны, влияние классической этнографической литературы, описательной, идущей от писателей-народников (Г. Успенского, В. Даля, С. Максимова и др.), которое также дополнялось неизбежным общественно-литературным авторитетом отца Николая Петровича – автора нескольких прозаических сборников в близких к этнографической литературе жанрах. С другой стороны, хорошо заметны свойственные В. Марту на протяжении всей творческой биографии эксперименты и поиски, которые приобретали самые разнообразные модернистские воплощения и нетривиальные реализации.

Таким образом, самобытность творческой индивидуальности В. Марта заключена в гармоничном синкретизме декадентства и этнографии – как на литературно-поэтическом уровне, так и на уровне психотипа, вольно или бессознательно созданного самим литератором имиджа, ставшего неотделимой частью профессиональных достижений бунтаря-дальневосточника, «дикого поэта». («Особое положение занимает “дикий” поэт Венедикт Март – его

творчество соединяет в себе черты грубого “протеста во имя протеста”, следы патологичности, но должно быть отмечено неустанностью борения против провинциального покоя», – такое определение даёт коллеге Д. Бурлюк в статье «Литература и искусство в Сибири и на Дальнем Востоке. 1919–22 гг. (Заметки и характеристики очевидца)» (Новая русская книга. – Берлин, 1922. – С. 47).

Актуальность избранной темы связана со своевременностью появления работы К. А. Землянской. На сегодняшний день в современном литературоведении активизировались исследования, посвящённые проблемам изучения литературы русского дальневосточного зарубежья и художественным произведениям поэтов и писателей, связанных с дальневосточной эмиграцией. Разрабатывается ориентальная тема в творчестве писателей восточной ветви русского зарубежья. В. Марта нельзя назвать в буквальном смысле писателем-эмигрантом, но важно понимать, что его судьба, творческие и профессиональные поиски формировались в контексте политического и культурного слома эпох и революционных изменений в России.

Актуальность темы не вызывает сомнений в связи с актуализацией обращения к художественной этнографии (Китай, Маньчжурия, Япония, Индия). Подобный тип работ можно отнести к категории исследований, посвящённых межкультурным коммуникациям и межнациональным взаимодействиям в литературе Тихоокеанской России, что видится чрезвычайно перспективным направлением в настоящее время. Автор диссертации обратился к важной и насущной сейчас теме культурного диалога, что продуктивно продемонстрировано на материале «восточных» и «инокультурных» произведений В. Марта. К тому же для филологической науки представляет большой интерес рецептивное изучение того, какие новые перспективы произведения открывает его восприятие в другой стране или представителем другой национальности и менталитета.

Представленная работа также соотносится с проблемой духовных ценностей в системе межкультурных коммуникаций, культурных и литературных взаимодействий, столь значимых и, безусловно, перспективных в гуманитарных науках последних лет. В этом смысле подобный тип работ может представлять интерес для международного научного сообщества.

Научная новизна и оригинальность закономерно основаны на обращении к малоизвестному творчеству В. Марта. К. А. Землянской впервые через призму художественной этнографии системно изучены произведения литератора, созданные во время трёх профессионально-биографических периодов его деятельности (владивостокского, харбинского, советского). Показано, как художественные тексты автора реализовывались в различных родо-жанровых, сюжетно-тематических и стилистических аспектах.

Однако особенным достоинством исследования, на наш взгляд, становится то, что диссертационная работа конструктивно «вписывается» в круг проблем современного литературоведения, т.к. с одной стороны, изучение связано с поэтологическим анализом произведений писателя и поэта В. Марта,

а с другой – основано на собранных архивных материалах, до наших дней по-прежнему мало доступных. В этом смысле главным источниковедческим достоинством диссертации стало привлечение архивных фондов (архивы Хабаровска, Владивостока, Москвы). Поиск К. А. Землянской публикаций В. Марта и их атрибутирование вносят существенный вклад в уточнение творческой биографии репрессированного дальневосточного автора.

Работа дополнена живым материалом, представляющим значительный интерес при реконструкции утраченного наследия В. Марта – это привлечение и обнародование переписки самого литератора, его родственников. В работу также введены фрагменты интервью бывших харбинцев.

Берёмся утверждать, что К. А. Землянской представлена к защите первая в России литературоведческая диссертация по творчеству В. Марта.

Результаты исследования, несомненно, обладают теоретической и практической значимостью. **Теоретическая степень** обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, а также **методологическая база** литературоведческого анализа состоят в следовании за концепциями ведущих теоретиков и литературоведов XX–XXI вв., а также укладываются в размышления научной школы филологов-исследователей Амурского государственного университета во главе с А. А. Забияко. Имеются ввиду статьи и монографии, посвящённые таким понятиям, как «художественная этнография», «поэтический этнографизм», «фронтир», «порубежье». Добавим также, что примерами из произведений В. Марта возможно дополнять и апробировать теоретико-практическую базу аспектов имагопоэтики, корректировать и уточнять понятие инокультурных образов в литературе и др.

Анализ выводов, сделанных автором диссертации, имеет **научно-практическую значимость**. Практическое применение результатов исследования состоит в возможности использования материалов при создании обобщающих работ по истории литературы дальневосточной эмиграции, а также в вузовском учебном процессе (например, преподавании региональных вузовских курсов «Литература и культура Дальнего Востока России», «Литература русского зарубежья и стран Азиатско-Тихоокеанского региона», «Литературная регионалистика»). Результаты исследования существенно дополняют, часто восстанавливают, фрагменты творческой биографии писателя, поэта и журналиста В. Марта, поэтому некоторые фактографические сведения или выводы могут быть использованы при составлении статей и заметок о нём в биобиблиографических словарях. К примеру, одним из достоинств работы, на наш взгляд, стали собранные и зафиксированные псевдонимы В. Марта (список кажется почти исчерпывающим), потому что за счёт их наличия и идентификации, и – соответственно – обозначения авторской принадлежности подобных материалов укрупняется объём творческого наследия дальневосточного литератора.

Доказано, что тексты В. Марта могут быть привлечены в качестве примечательного материала для имагологии.

Система выводов, к которой приходит автор рукописи, может быть использована в последующих исследованиях, посвящённых художественной этнографии, поскольку установленные типологические черты художественной стратегии В. Марта могут быть применимы и к другим персоналиям.

Обоснованность и достоверность научных результатов, полученных в ходе исследования, обеспечивается его хорошей теоретической фундированностью и применением комплекса методик, адекватностью методов исследования объекту, предмету, целям и задачам работы, комплексным характером исследования. Об этом свидетельствует научная эрудиция автора, хорошее владение материалом. Так, библиографический список репрезентативен и насчитывает 426 наименований (на русском и иностранном языках). Он включает обнаруженные в архивах художественные произведения В. Марта (68 позиций), в т.ч. созданные под псевдонимами. О качестве анализа проблемы, об указании контекста исследования свидетельствуют методология и методы, а также ссылки на исследователей.

Методология исследования связана с этнографической направленностью, однако для выполнения поставленных целей, а также при формулировке выводов понадобилось проработать научную литературу по смежным темам. Ссылочный аппарат включил теоретические, историко-литературные и переводоведческие труды, необходимые для осознания основополагающих позиций исследования. Отметим знакомство с обширным художественным материалом русской и «восточной» литературы, привлечение российских дореволюционных и постреволюционных изданий, в т.ч. периодических.

Диссертация К. А. Землянской прошла необходимую апробацию посредством выступлений на научных конференциях, в том числе международных. Результаты по заявленной теме исследования подверглись экспертизе и были опубликованы в виде статей в рецензируемых журналах.

Структура диссертации обусловлена проблемой, целями и задачами исследования. Работа включает введение, три главы с выводами, заключение, библиографический список. Содержание глав, обладающих чёткостью изложения гипотезы и формирования целевых установок, отражает авторскую концепцию.

Во **Введении** описывается выбор темы, объекта и предмета исследования, определяется актуальность и научная новизна, формулируются цель и задачи исследования, аргументируются теоретическая и практическая значимости, автором формулируются 10 положений, выносимых на защиту, описываются структура, объём и апробация научного исследования.

В **первой главе** анализ периода становления художественной этнографии В. Марта, связанный с владивостокским топосом, когда писатель начинает осмыслять этнографизм через эстетику модернизма, позволил представить рецепцию Китая и Японии – когда инокультурными ориентирами для коренного дальневосточника становятся образы китайцев и японцев.

Диссертант обратилась к изучению лирического стихотворения в творчестве В. Марта и исследовала опыт жанра *песенцев* – окказионального

жанра, созданного самим дальневосточным автором из стилизованного китайского слова с русским корнем: песен-цы. Доказывается, что этот жанр – зарисовки с натуры, как определяет его сам создатель, максимально приближал поэта к китайской культуре. В главе подробно, с привлечением примеров, анализируются поэтические эксперименты литератора: словесная вязь, словоформы, стилизации под архаику, создающие для читателя множество контекстуальных трактовок. Указывается влияние жанра чуаньци (классической китайской новеллы о необычайном), китайской были и др.

Отмечается, что способом вживания в мир чужой культуры становятся для В. Марта также синтез русской былички с японским жанром кайдана (устного рассказа о сверхъестественном). По мнению К. А. Землянской, посещение Японии укрепляет литератора в области традиционных жанров танка и хокку в лирике, дзуйхицу и кайдан в прозе. Мысль о том, что «в его жанровых стилизациях оказывается соприродным основной принцип классической японской литературы – моно-но аварэ» (с. 57) кажется в целом верной, однако, на наш взгляд, концепцию создания В. Мартом так называемых «японских» стихов только этой эстетикой «печального очарования вещей» исчерпывать нельзя. Однако допускаем, что этот вопрос дискуссионный и может быть уточнён при наличии других исследовательских подходов.

В работе над первой главой были учтены такие реперные точки в психологии человека и литератора В. Марта, как народно-демократические взгляды его отца Н. П. Матвеева-Амурского, «восточные» японские связи семьи Матвеевых, увлечение Венедикта модернистскими течениями Серебряного века (футуризмом, имажинизмом) в т.н «дальневосточном» изводе. Однако, на наш взгляд, позволим высказать мнение, что этому разделу могло бы добавить весомости упоминание писательских заслуг самого Н. П. Матвеева-Амурского на поприще художественной этнографии, например, его сборник прозы «Уссурийские рассказы» (М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1904). Безусловно, сам факт возможности Венедикта Николаевича на первых порах беспрепятственно посещать Страну восходящего солнца крайне положительно сказался на его «японских» стихах и стилизациях, однако, думается, можно было дополнить эту картину мира литератора и сведениями иного порядка. Например, уместно было указать на истоки большой любви к Японии у главы семьи, поскольку его японофилия была продиктована рождением в Хакодате, домашними легендами о похищенном няней белом ребёнке. Сюда можно отнести и практические реалии клана Матвеевых: дом/дача в Японии, ежегодные экскурсионные туры и путешествия для школьников из Владивостока в страну-соседку, организуемые Николаем Петровичем, взаимоотношения с японскими общественными деятелями, создание «самоварного клуба» в Японии, командировка младшего сына Георгия в качестве сотрудника журнала «Голос Японии», доверие к японским врачам (в Киото в разное время находилась на лечении дочь Зоя, старшая сестра Венедикта) и др. Калека от рождения, Зоя Николаевна Матвеева, кстати, единственная из большой семьи вступилась за брата после его ареста, пропала

без вести. Библиограф семьи Т.З. Матвеева, дочь учёного-востоковеда З.Н. Матвеева, который оказал влияние на всех младших братьев, в составленном генеалогическом древе отмечала, что та «умерла в тюрьме в 1939 г.».

Вторая глава посвящена эмигрантскому периоду профессиональной деятельности В. Марта, поскольку «пожизненное» погружение в культуру Ориента было связано не только с локусом рождения и становления (интернациональный и инокультурный в конце XIX – начале XX века Владивосток), но и с эмиграцией в Китай (Харбин).

Автор диссертации пытается обосновать идею, что творческие поиски В. Марта в этот период балансируют между натурализмом и этнографизмом, чему способствовал социокультурный, этнокультурный, литературный контексты развития художественной этнографии в Харбине начала 1920-х гг., а также журналистская деятельность писателя и собственно его эксперименты, результатами которых становятся художественно-этнографические публикации в различных родо-жанровых, идейно-тематических и стилистических аспектах (очерки «Жёлтые рабыни»). К. А. Землянкой сделан ценный вывод о том, что в период харбинской жизнедеятельности В. Март тяготеет к русскому «физиологическому очерку», публицистической заметке, китайской документальной очерковой литературе. Первому свойственна маргинализация тем и образов – в духе «натуральной школы», а цикличность очерков становится у литератора одним из приёмов художественной этнографии.

Значимость **третьей** главы заключается в исследовании советского периода развития художественной этнографии у В. Марта.

После возвращения на родину, выхода в прозу на этнографию и быль, В. Март делает попытки «встроиться» в советский литературный процесс, для чего пытается соответствовать требованиям соцзаказа в литературе (фактографизм, установка на достоверность). Находясь уже в центральной России (Москве, Ленинграде, Саратове, Киеве), базовыми для него становятся концепция «литературы факта» и неомифологизм. Именно с этих позиций, по мнению диссертанта, обращается писатель к «революционному Востоку» и традициям малых народов СССР.

Во втором и третьем параграфах главы убедительны результаты проанализированных К. А. Землянкой произведений: неопубликованного сборника В. Марта «Рассказы о Востоке» (китайские, маньчжурские, корейские, японские, индийские), который включил были и рассказы (жанровые определения самого писателя), относящиеся к событиям Китайской революции, и этнографический рассказ о свадебной и похоронной обрядности гольдов «Дэрэ – водяная свадьба». Во втором случае писатель выбирает форму сказки, так как она органично воспринимается простым советским читателем.

Акцентируется, что изучение этномифопоэтики представлено через призму жанрово-стилевых решений (фольклорное, былевое начало плюс фактографизм). Заслуживает особого внимания идея, что художественные тексты бывшего дальневосточника предоставляют возможность современной расшифровки того, как видоизменялась художественная этнография В. Марта

советского периода, каким образом трансформировались традиционные инокультурные мифологические архетипические сюжеты под воздействием революционных событий и как они легли в основу интерпретаций талантливого писателя, желавшего попасть в обойму советских литераторов начала 1930-х гг.

Практически ориентированным представляется ответ на вопрос, почему В. Март не стал «своим» в ряду советских писателей-коммунистов. Автор диссертации связывает эти неудачи с объективными историко-политическими событиями того времени, когда его фактографизм, былевая установка «в изображении революционных событий в Китае и других странах конца 1920-х гг. сыграли роковую роль анахронизма для начала 1930-х гг.» (с. 18 автореф.), совпав с кризисом советско-китайских отношений. Будучи ранее знакомыми с концепциями статей диссертанта, в очередной раз позволим отметить следующее: базовое утверждение, что «этнографические были писателя, собранные воедино, стали убедительными “вредительскими” свидетельствами поражения революционного движения на Востоке» (с. 138), безусловно, объективно верно, однако подобный вывод не исключает необходимость более подробного обращения к анализу поэтики рассказов сборника, что, в свою очередь, сможет внести неизбежные корректировки в основное утверждение.

В. Март был репрессирован, его творческое наследие сохранилось до нашего времени не в полном объёме: часть литературного багажа была уничтожена, оставшиеся после расстрела автора материалы подверглись цензурированию или вошли в т.н. спецхраны. В связи с этим некоторые из упомянутых художественных текстов, как уже отмечалось нами выше, впервые вводятся в литературоведческий оборот. Подобные источники обладают ценностью возвращаемого в региональную и общерусскую литературу материала. В этом смысле неподдельный интерес и принципиальную новизну в первом параграфе главы для нас лично представляет реконструкция и попытки осмысления К. А. Землянской – по письмам В. Марта (май 1936 г., за год до расстрела) – его трёхтомного романа – историко-этнографического эпоса «Война и войны», рукопись которого была изъята при аресте писателя в Киеве.

В **Заключении** представлено логичное обобщение результатов диссертационного исследования. Выводы коррелируют с выводами по главам, доказывают положения, выдвинутые на защиту.

Автореферат и публикации (21 наименование, включая 6 статей в изданиях из перечня ВАК) в целом отражают содержание диссертации и не имеют серьёзных замечаний.

Следует подчеркнуть, что основная цель исследования и поставленные задачи решены диссертантом в ходе работы. Положения, выносимые на защиту, следует считать доказанными. При несомненно положительной оценке кандидатской диссертации по ходу ознакомления с её содержанием закономерно возникли **вопросы и возражения**, вызванные в том числе особым интересом оппонента к данной теме:

1. В положении 2, выносимом на защиту (с. 16), звучит следующее утверждение: «Этнокультурный опыт Марта, формируемый под влиянием отца

и на основе собственной эмпирики, обогащает писателя тематически, он изнутри постигает китайскую культуру сквозь призму *повседневной религиозности*» (эта мысль повторяется на сс. 41, 50, 54, 61). Хотелось бы услышать уточнения, что вкладывается автором диссертации в понимание «повседневная религиозность», кроме опекуренния, веры в переселение душ.

2. В названии параграфа 1.1 обозначены годы владивостокской деятельности – «...1915–1920-е». Почему отсчёт начинается с 1915 г., если первые стихи В. Март начал писать гимназистом. Так, известна первая датировка стихов – 8 августа 1913 г., а первый юношеский сборник «Порывы» (под псевдонимом Марьин) В. Март издаёт ещё в 1914 г., напечатав его в типографии своего отца, где работал вместе с младшим братом Гавриилом. Потом уже были «Песенцы» и «Чёрный дом».

3. Одно из утверждений гласит, что «несмотря на детальное погружение в основы жанровой системы традиционной японской литературы, В. Март всё же не сумел создать жизненно достоверный образ японцев – как ему это удалось с образом восприятия китайцев» (с. 61). Хотелось бы получить комментарии, ведь японские связи семьи были более сильны, чем китайские, однако опиумный чад и маргинальность тематики харбинских трущоб «победили» эстетику моно-но аварэ. Почему так произошло? Ваше мнение?

4. На сс. 5 и 17 отмечается, что в харбинский период этнография В. Марта «выражается» в жанре «физиологического очерка» и публицистической заметки. Говоря о жанровых экспериментах, возникает вопрос: а какие именно очерки дальневосточного литератора автор диссертации относит к «физиологическим», если, цитируя текст диссертации, «“Жёлтые рабыни” в буквальном смысле не относятся ни к физиологическим очеркам, ни к этнографическим очеркам, ни к фельетону в “желтой газете”» (с. 81)? Какие ещё основания даёт этнографическая проза В. Марта для отнесения к «натуральной школе», кроме обращения к теме «маленького» человека?

5. Использование В. Мартом «металитературной рецепции» (Е. В. Сенина), «металитературная рецепция становится ведущей» – так обозначено в двух положениях, выносимых на защиту. В автореферате находим следующее: «Металитературная рецепция сопряжена в “Каппе” с модернистскими поисками самого Марта в области художественного языка, здесь Март “проявляет себя как мастер орнаментальной прозы – продолжатель традиций Ремизова и Белого”» (А. А. Забияко) (с. 15). Поэтологические связи В. Марта с представителями Серебряного века, а также литературными группировками середины 1920-х гг., авангардом в диссертации заявлены, однако не получили должного раскрытия, поэтому в качестве пожелания и перспективы изучения заявленной темы можно усилить этот анализ.

6. Формулировка о том, что В. Март в советский период «общается с “Серапионовыми братьями”» (с. 5) также не получила раскрытия, хотя бы на уровне перечисления представителей этой литературной группировки, имевших контакты с дальневосточным писателем-этнографом. Оппоненту как исследователю творчества В. Марта о таких контактах ничего неизвестно, но

узнать очень хотелось бы. Автором отзыва тоже была выдвинута гипотеза, подкреплённая сведениями семейно-биографического порядка, но о возможных творческих взаимосвязях В. Марта с обэриутами (Д. Хармсом, К. Вагиновым). Отразим выходные данные этих статей здесь, в работе на них нет ссылок: Кириллова, Е. О. Серебряный век дальневосточной поэзии. Братья Матвеевы – футуристы, имажинисты, обэриуты... // Матвеевы. Две даты. Две жизни. Два мира: материалы III Матвеевских научных чтений, г. Владивосток, 11–12 дек. 2018 г.; под общ. ред. А. Г. Брюханова. – Владивосток: Валентин, 2019. – С. 49–83; Кириллова, Е. О. Литературно-поэтические связи семьи Матвеевых: от декаданса и авангарда до «заумников» и «чинарей» // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР: материалы III международного форума, Владивосток, 14–19 окт. 2019 г.; отв. ред. А. А. Анисова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2020. – С. 236–251.

7. На наш взгляд, в органике своих творческих устремлений В. Март «не замыкается» только на художественной этнографии, но при этом все темы у него имеют региональную составляющую. Можно ли рассматривать роман Никэда Мата «Жёлтый дьявол» в контексте заявленной темы по этнографии?

8. Поясните, что вкладывается в заключительное понятие: «Март находит очень ловкую художественную форму сказки для своего, по сути, пролеткультовского очерка о переходной обрядности гольдов. Эта «форма» находит выражение в *сухом очерковом языке* писателя» (с. 130). Нет никакой возможности согласиться с этим высказыванием. Несмотря на то, что текст рассказа «Дэрэ – водяная свадьба» имеет явный агитационный характер нового социалистического быта, продиктованный госзаданием, его язык отличается поэтичностью.

9. Замечания по оформлению работы: ряд положений дублируются в выводах по главам и в Заключение. Насколько корректно, что в тексте автореферата есть информация, которая отсутствует в тексте диссертации. К примеру, в параграфе 1.3 «Образ восприятия Японии и японцев в художественной этнографии В. Марта...» японским жанрам кайдана и дзуйхицу, на которые ориентировался писатель, уделено больше внимания (с отсылками на Н. И. Конрада, Т. П. Григорьеву, «Записки у изголовья» Сэй-сёнагон, Г. Б. Дуткину), чем в одноимённом параграфе текста диссертации.

Вышеприведённые вопросы носят дискуссионный характер и вызваны субъективным интересом оппонента к исследованию. Они не умаляют качества и масштабов проделанной работы, которая представляет собой самостоятельное, конструктивное исследование, выполненное на должном научном уровне и подкреплённое фактическим материалом. Стилль изложения и оформление соответствуют требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Заметна результативность проделанного, включая освоение новейшего художественного материала. Диссертацию отличает интересный подход, в парадигме традиционных и современных теоретических разработок.

Хочется добавить, что информативность теста диссертации К. А. Землянской, её выводы не только наталкивают на размышления, но и

корректируют/подтверждают имеющиеся у автора отзыва гипотезы относительно художественных взглядов одного из видных представителей клана Матвеевых. Проведённое исследование выглядит тем более значительным достижением, если брать во внимание, что проанализирован аспект творчества представителя уникальной дальневосточной семьи, на жизни и деятельности которых без преувеличения замыкался весь литературно-поэтический процесс первой четверти XX века в крае. Подтверждением вышесказанного становится тот факт, что во Владивостоке в рамках ежегодной дальневосточной книжной выставки-ярмарки «Печатный двор» учреждена литературная премия имени Матвеевых, названная в честь Николая Петровича Матвеева, основателя литературной династии на Дальнем Востоке, автора первой книги по истории Владивостока – «Краткий исторический очерк Владивостока» (1910). Премия действует уже 8 лет.

Проведённый нами анализ позволяет утверждать, что диссертация Землянской Ксении Александровны на тему «Художественная этнография Венедикта Марта» является законченной научно-квалификационной работой, которая представляет собой исследование актуальной темы, характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью, отвечает требованиям п. 9, п. 10, п. 11, п. 12, п. 13, п. 14 Положения о присуждении учёных степеней (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, в действующей редакции с изменениями и дополнениями), а её автор – Землянская Ксения Александровна – заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки).

25 сентября 2025 г.

Официальный оппонент:

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы
Восточного института (Школы)
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения
высшего образования
«Дальневосточный федеральный университет»

Е.О. Кириллова

Сведения об оппоненте: Кириллова Елена Олеговна, кандидат филологических наук, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», Восточный институт (Школа), кафедра русского языка и литературы, доцент кафедры.

Специальность, по которой защищена диссертация: 10.01.01 – русская литература.

Официальное название организации, сотрудником которой является оппонент: ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет».

Адрес места работы:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Дальневосточный федеральный университет» (ДВФУ)
690922, Приморский край,
г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10
Тел. (423) 243-34-72, факс (423) 243-23-15
Эл. почта: rectorat@dvfu.ru; <http://www.dvfu.ru>
e-mail: kirillova.eo@dvfu.ru

Выражаю согласие на обработку персональных данных и на размещение на официальном сайте ЯГПУ им. К. Д. Ушинского отзыва на данную диссертацию.